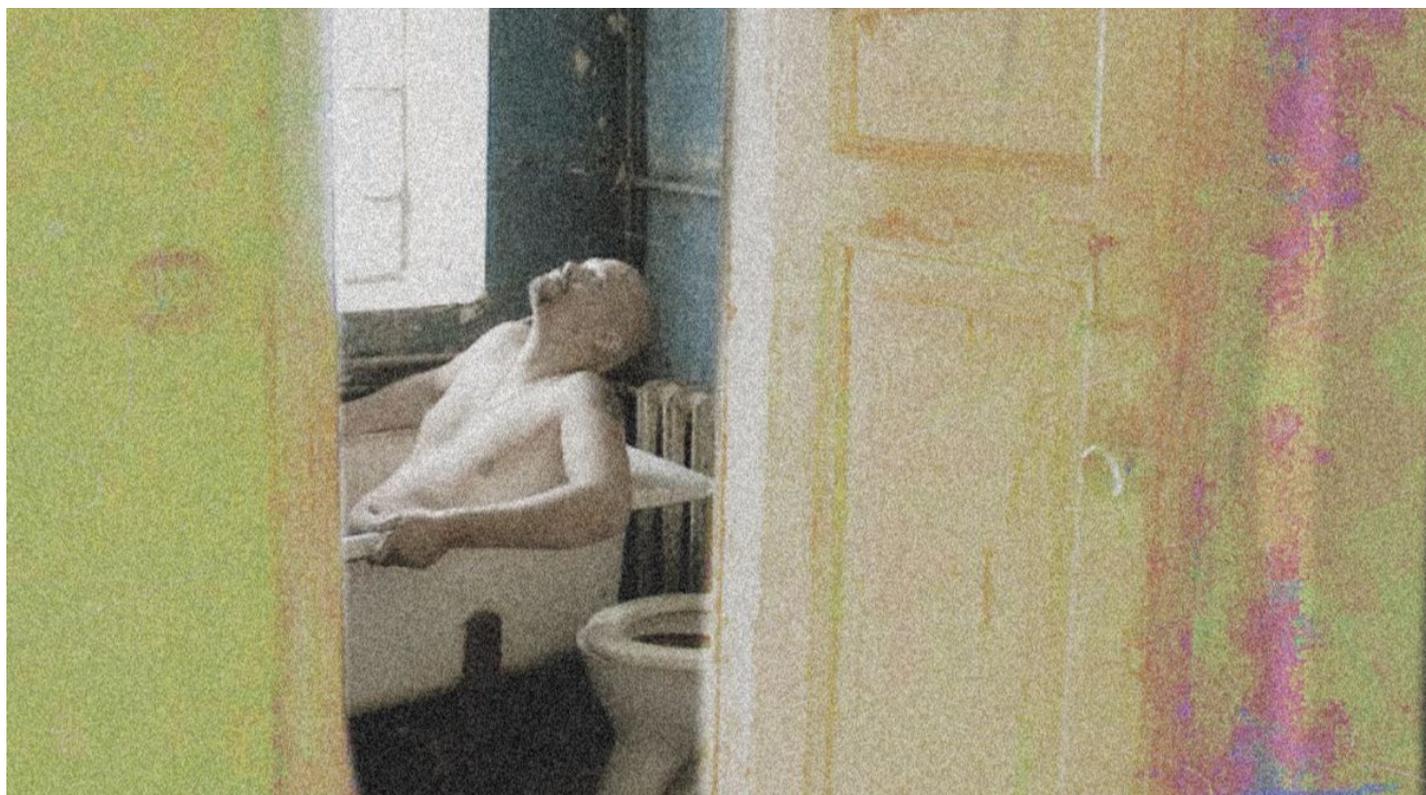

«Хватит уже мучиться»

В этот диспансер в Татарстане попадают бездомные и заключенные с туберкулезом. Они не знают, что болезнь лечится. Они приезжают умирать

Пациент греется у батареи и ждет когда включат воду чтобы помыться. Фото: Асия Несоевая, специально для «Новой газеты Европа»

03:00, 1 января 1970,

Асия Несоевая

специально для «Новой газеты Европа»

Жители соседнего села думают, что трехэтажное здание рядом с ними – заброшенная тюрьма. Но это работающая больница, а точнее – противотуберкулезный диспансер. Всего в России, судя по последним доступным данным, таких **не более 143. В этом учреждении, где холод называют комнатной температурой, коричневый кипяток считают чаем, вкус тухлого мяса скрывают специями, а неогражденные друг от друга дырки в полу служат туалетом, еженедельно умирают одинокие люди. Умирают от болезни, которая, вообще-то, излечима.**

Корреспондентка «Новой газеты Европа» в течение недели заменяла санитарку в диспансере, из которого за это время вынесли тела двух умерших пациентов.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКЦИИ

Редакция не раскрывает настоящие имена героев материала, а также точный адрес диспансера в целях их безопасности. Корреспондентка заранее представлялась журналисткой и персоналу, и пациентам.

Где заканчивается связь

У трехэтажного здания прямо посреди леса нет опознавательных знаков. Забор вокруг когда-то был серым, но покрылся плесенью и стал зеленым. Дверей в заборе нет. Люди заходят через дыру: у двух досок открутили грозди снизу.

Снаружи здание выглядит как квадратная копилка рыжего цвета, внутри которой живут тараканы прямо поверх нескольких монеток. Еще на подходе ощущается запах вареной

капусты, пота и прочих человеческих жидкостей.

Это не заброшенное здание и не место проведения хоррор-квестов. Это действующая туберкулезная больница республиканского уровня.

Связь заканчивается еще за двести метров от здания. Когда проезжаешь диспансер по трассе, музыка в машине прерывается: радио и интернет несколько минут просто не ловят. Я не нашла точного ответа, почему там нет связи. Сотрудники разошлись в ответах: «связь проводить дорого», «тут никогда не было связи, диспансеру больше ста лет», «в здании — ПВО». Подтверждений последнему варианту я не нашла.

Над головой — потрепанный бетонный потолок. В прошлом веке он был белым, но от старости посерел, а в углах покрылся паутиной, на которой видны пауки. Бетонный пол, покрытый линолеумом, холодный, как могильная плита. В некоторых местах покрытие порвано, а в палатах встречаются куски грязи. И пациенты, и сотрудники ходят по больнице в уличной обуви.

На этажах по 30 кабинетов, большинство которых служат палатами для пациентов. На дверях отделения с больными закрытой формой туберкулеза на первом этаже есть дверные ручки. Двери не закрываются на замок, но ручку можно держать изнутри руками, чтобы снаружи никто не мог ее повернуть, если вдруг пациенты не хотят никого видеть.

На втором и третьем этажах, где располагается паллиативное отделение для умирающих пациентов и отделение для туберкулезников с открытой формой, вообще нет дверей. Комнаты открыты нараспашку.

Врачи на второй и третий этажи поднимаются

редко, медсестры и медбратья — пару раз в день. Пациенты же поднимаются на свой этаж один раз, по прибытию. Спускаются в черных мешках, уже мертвыми.

За неделю посещений я ни разу не слышала, чтобы на кого-то кричали медсестры или врачи. Санитарки — две бабушки, которые работают с 15 лет. Их пенсия настолько низка, что им, судя по всему, придется трудиться до смерти. Персонал кормит больных таблетками, моет полы в паллиативном отделении. Их обязанности ничем не отличаются от обязанностей медсестер, но получают они меньше — 15 тысяч рублей против 27 тысяч.

Персонал называет пациентов по именам, а те — санитарок по отчествам. Во время обходов в каждой палате больных спрашивают про дела и настроение. Почти каждый день санитарки приносят пациентам еду из дома. Если у них попросят вино или сигареты, они купят. Бабушки называют всех пациентов «кызым» (доченька — перевод с татарского) и «улым» (сыночек — перевод с татарского). Когда пациент умирает и у санитарок есть доступ в палату, то они читают молитву перед тем, как тело положат в мешок.

Химиотерапию и операции тут не делают, лечат только таблетками. Еду, которой кормят, высококалорийной — какой должна быть диета при туберкулезе — не назовешь. Все каши приготовлены на воде, у супов нет даже подозрения на аппетитный аромат, а компоты заменены теплой водой. Но это больше, чем предоставляет улица: улица вообще никакой еды не предоставляет, да и будет чем рвать после вина.

В диспансер привезли мясо на месяц. Фото: Асия Несоевая, специально для «Новой газеты Европа»

Один раз в месяц в больницу привозят тушку говядины. Медсестры и санитарки разделяют мясо, отгоняя мух. Говядину добавляют во все блюда, потому что если не съесть ее в течение трех недель, то из-за плохого качества заморозки в холодильнике мясо испортится. Если оно портится, то в еду добавляют больше молотого черного перца «Красная цена» и все равно подают к столу. Но факт про перец мне рассказали по секрету.

Кстати, если такое случается, в туалетах, или, точнее сказать, дырках в полу, не будут убирать до конца недели. В воскресенье врачи делают обход и, когда видят грязь, приказывают пациентам помыть полы. Только полы — вытирать пыль и стирать постельное белье никто не просит, потому что постельного белья и мебели, где может скапливаться пыль, тут нет. Люди спят на голых полосатых матрасах, на которых есть коричневые пятна засохшей не застиранной крови. Около раковин постоянно лежат салфетки, которыми вытирали кровь.

Плюют прямо в раковину, иногда пациенты забывают почистить умывальник, и на нем остаются сгустки крови.

Поговорка «стены все слышат» из-за тонких стен здесь воспринимается буквально: даже из отделения с туберкулезниками закрытого типа слышно, как харкают и выплевывают кровь пациенты в отделении с открытой формой болезни.

Кровяная слизь пациентов в раковине после кашля. Фото: Ася Несоевая, специально для «Новой газеты Европа»

У некоторых пациентов печень, похоже, уже не отличает спирт от сока. По словам медсестры, случаи драк, попоек и приездов полиции в отделение не редкость. Пьющие пациенты обычно собираются в своем кругу, а буйные дерутся между собой. За два года работы медсестры случаи воровства были редкими, а если что-то и пропадало, украденные вещи, такие как сигареты, компенсировались «отработкой». На этом термине ее коллеги смеются, возможно, неправильно истолковывая слово как

намек на сексуальные услуги. На самом деле медсестра имеет в виду мытье полов. Увидев реакцию коллег, она напоминает, что пациенты тут действительно умирают, так что «им не до сношений».

На каждом этаже одна уборная, и на мужскую и женскую она не разделена. Этот участок диспансера напоминает клуб знакомств: в закутке у туалета постоянно кто-нибудь обнимается и хохочет, и, как мне рассказала медсестра, не всегда люди разного пола. Я нашла пару, планирующую свадьбу, «если выживут». Но для начала развод — с супругами, оставшимися на свободе. Они отказались говорить под запись из-за страха, что о романе узнают их семьи.

Подписанные сигареты. Фото: Асия Несоевая, специально для «Новой газеты Европа»

Что такое туберкулез и как им заражаются

Противотуберкулезный диспансер отличается от обычной больницы двумя особенностями. Во-первых, это стационар

закрытого типа и туда можно попасть только с подозрением на туберкулез или с уже подтвержденным заболеванием. Во-вторых, туберкулез считается социально обоснованной болезнью, потому что на его распространение влияет благополучие — качество питания, физическое и психологическое переутомление, сон. Туберкулезом легче заразиться, имея наркотическую или алкогольную зависимость, слабый иммунитет и тяжелую работу на морозе.

Основной источник туберкулеза — человек, больной его открытой формой и выделяющий микробактерии из дыхательных путей. Если туберкулез ему не диагностирован (такое может быть, даже несмотря на симптомы респираторной инфекции), он становится опасным для других людей: по подсчетам ВОЗ, он может заразить 15–20 окружающих.

Инфекция передается воздушно-капельным путем с частицами мокроты, носоглоточной слизи, попадающими в воздух при кашле, чихании, разговоре. И воздушно-пылевым путем, с взвешенной в воздухе пылью, содержащей микробактерии. Заражение от животных обычно происходит при употреблении в пищу мяса и молочных продуктов.

Чаще всего туберкулез поражает органы дыхательной системы: легкие, бронхи, плевру. Но возможна и другая локализация — например, кишечник, почки и мочевыводящие пути, кости, кожа, лимфатические узлы.

Палата в отделении закрытой формы туберкулеза. Фото: Асия Несоевая, специально для «Новой газеты Европа»

От инфицирования до появления признаков заболевания может пройти от нескольких месяцев до нескольких лет. Огромное значение имеет состояние защитных сил организма, в первую очередь иммунной системы.

Чаще заражаются люди, имеющие факторы риска, снижающие иммунитет, — хронические заболевания, например, бронхит, пиелонефрит.

Также развитие туберкулеза связано с недостаточным или несбалансированным питанием, ВИЧ-инфекцией и вирусными гепатитами В и С.

В XIX веке люди **думали**, что туберкулезом заболевают из-за особо тонкой и ранимой душевной организации. Якобы

жертвами становятся много думающие, творческие, умные и чувствительные люди. Считалось, что чахотку вызывают нервные потрясения, несчастная любовь, ипохондрия и сердечные раны. Примерно так же в наше время романтизируют анорексию, считая болезнь проявлением особенности.

На самом деле туберкулезом в основном **болеют** люди с низким качеством жизни. Плохое питание, переутомление, алкогольная, наркотическая и никотиновая зависимость, стрессы, переохлаждение **приводят** к снижению иммунитета и приближают к группе риска.

Ваня и Федя

— У меня нет дома, я тебе говорю! — возмущенно произносит Иван.

— А зачем он тебе, ты же умираешь. На тот свет все равно забрать не сможешь ничего, — спокойным тоном отвечает ему друг по палате Федя.

— А я жив же сейчас, ты чего несешь?

— Это ненадолго, скоро ты умрешь, и дом там тебе не понадобится.

Иван живет без дома уже десять лет. Семь из них он сидел в тюрьме за непредумышленное убийство. Остальные три скитался по больницам и «обезьянникам». Туберкулезом, как оказалось, он заболел за полгода до попадания в стационар. Но в полицейском участке этого никто не заметил. Там он познакомился с Федей, точнее, с человеком, который представился мне Федей: своего имени от рождения он не помнит. Иван заразил Федю туберкулезом в отделении полиции и, как он говорит сам, захватил «тубиком парочку мусоров».

«Парочка мусоров» уехала лечиться в городской диспансер, а Иван и Федя попали в провинциальный, в одну палату. Так они стали «кентами».

Они лежат и обсуждают, кто из их отделения умрет первым. Федя считает, что «толстая женщина» с диабетом, потому что диабетики с туберкулезом долго не живут. Иван ставит на «шкета» — молодого худого паренька 32 лет, который весит 43 килограмма. Ваня уверен, что «дрыщ и нарик» умрет раньше всех, потому что в последнюю неделю стремительно теряет в весе и становится «сине-зеленым». Мужики долго думали, на что будут спорить, — денег у обоих нет и не предвидится, поэтому поспорили на старшую медсестру с рыжими волосами. Точнее, за приоритетное право за ней ухаживать.

Палата «блатных», самая оснащенная в диспансере. Фото: Асия Несоевая, специально для «Новой газеты Европа»

Эта медсестра, судя по разговорам и по тому, как ей оборачиваются вслед, нравится всем пациентам мужского пола.

Но борьба идет только между Ваней и Федей, потому что они «блатные». Другие пациенты не имеют права с ней флиртовать и даже общаться больше положенного. Потому что они — «шерсть» и «должны знать место». По иерархии диспансера самые красивые девушки — чаще всего под эту категорию попадает медицинский персонал — встречаются только с «блатными».

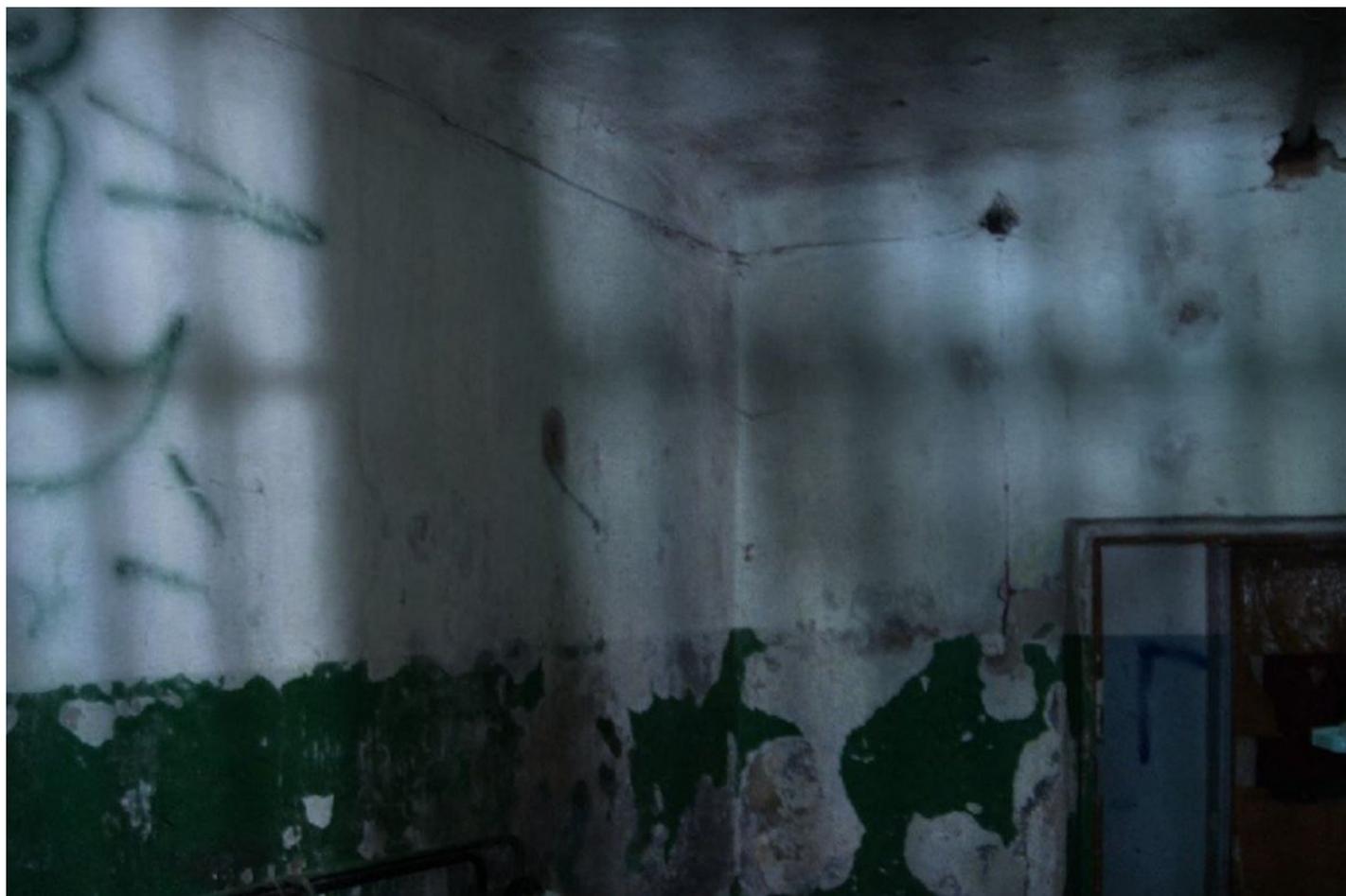
Также Федя отметил, что «блатные» не встречаются с «чуханками». То есть если ему или Ивану понравится та женщина с диабетом, то по понятиям они не могут ей оказывать знаки внимания. Если другие «блатные» не увидят, то можно. Но официально парой союз блатного и «чуханки» в кругу других «блатных» признан не будет.

Федя и Ваня — единственные «блатные» в диспансере. Еще в начале лета было пятеро, но двое умерли, еще одного забрал выросший сын. Если один из них умрет, а новых пациентов той же «масти» не прибудет, оставшемуся придется «держаться диспансер» в одиночку. Мужчины считают, что в таком случае настанут «тяжелые времена для всех», потому что,

когда власть сосредоточена в одних руках, человек неизбежно начинает сходить с ума. Федя также уточнил, что оставшийся в живых долго не протянет, поэтому «сильно одуреть не успеет».

Серые будни Феде и Вани разбавляли крики и стоны экстренно привезенных, доносящиеся из палат реанимации. Умирали там часто. Не было недели, чтобы в черных мешках не увозили пару-тройку человек. Ваня говорит, что постепенно привык.

— Была вот месяца два назад одна девушка. Часто видел ее, красивая была, мне нравилась. В один день в общей комнате смотрели вечером телек, видел, как она играла в настолки с другими пациентами. Ей не повезло, не выдержала печень: таблетки, которые тут дают, сильно нагружают и ее, и вообще все органы. На следующий день увезли в мешке, — вспоминает Ваня.

Стены палаты в отделении открытой формы туберкулеза. Фото: Асия Несоевая, специально для «Новой газеты Европа»

Ирина

Раз в неделю в диспансер из городской больницы приезжают врачи-фтизиатры. Они ставят диагноз новым пациентам и назначают лечение. Еще они выгоняют с территории уличных кошек и просят медсестер и санитарок делать то же самое. На смене две медсестры, и каждый день после обеда они по очереди берут в руки ветхий пожелтевший веник с торчащими прутьями и, крича «Брысь!», пытаются ударить котят.

Некоторые новоприбывшие пациенты, в основном женщины, стараются взять животных на руки, особенно если эти котята маленькие. А Ирина их кормит. Одна на весь диспансер.

Делать это трудно. Нужно втайне от персонала взять еду — обычно говядину или жир из супа — и положить в карман своих клетчатых штанов. После обеда у туберкулезников закрытой формы есть двадцатиминутная прогулка, когда входные двери открывают для проветривания. Ирине выходить нельзя: у нее открытая форма.

Но когда Ирина могла, то замечала на улице кошек. Она ждет, когда «закрытые» отойдут подальше, подходит к двери, кричит: «Пыс-пыс-пыс», — и бросает еду в кусты. Ирина уверена, что котята всегда ее там ждут.

Ирину тут знают как «толстую с диабетом». Для котят, которых трудно отличить от мышей из-за размера и тоненьких лапок, она стала единственной надеждой на выживание.

Третьего сентября Ирины не стало. Медсестра сказала мне, что она умирала в конвульсиях.

Даже когда человек лежит в посредственной больнице со смертельным диагнозом, он может верить в чудо. В палате, даже в паллиативном отделении, смерть откладывается «на потом», на «когда-нибудь», ведь точной даты и времени не скажут даже кандидаты медицинских наук. А для Ирины всё наступило только что.

После смерти Ирины, с наступлением холодов, скорее всего, погибли бы и котята, так что я их забрала и сейчас ищу им дом.

Саму Ирину как «одинокую» хоронить не стали: могила стоит дорого, так что туберкулезников без семьи в диспансере кремируют.

Кабинет медсестер и санитарок. Фото: Асия Несоевая, специально для «Новой газеты Европа»

Таисия

Таисия рассказывает.

— Когда я была маленькой, умер мой дед, он был работающим мужиком. Очень добрый человек, очень любил всех; есть вот такие люди, знаете, которые, еще не зная человека, его ненавидят. Таких людей большинство. А он был другим, особенным. Потому что он меня любил. А другие не любили, потому что гораздо проще не любить, чем понять и полюбить.

У нас не было денег на игрушки, но он мне из дерева делал кукол, и мы их раскрашивали малярными красками. А вообще, он сделал мне миллион разных хороших вещей. Но умер рано.

Когда мне было восемь. Сейчас мне 54. Меня больше никто не любил. Никогда.

Наверное, вам интересно знать, боюсь ли я смерти. Нет, я лежу тут уже два месяца, а последний месяц не встаю с кровати. Мне хватает времени обдумать жизнь и понять, что тут не было ничего интересного и хорошего. Хватит уже мучиться, — произносит Таисия, почти после каждого слова делая паузу, причем настолько большую, что я успеваю записать в блокнот ее речь.

Медсестры, ухаживающие за ней, говорят, что ей осталось не более двух недель. Каждая медсестра боится, что смерть Таисии выпадет на ее смену. В последнюю неделю никто не подавал ей утку, так что рядом с ее кроватью тяжело дышать. Когда этот запах смешается с запахом мертвого тела, уборка станет невыносимой. Доплачивать медсестрам за особо тяжелую работу тут не принято.

В семь тридцать утра, приходя на работу, девушки первым делом спрашивают у коллег, умерла ли Таисия. Когда они слышат, что пациентка еще жива, идут пить чай и спорят, кому надо будет паковать ее тело. Более опытная медсестра с рыжими волосами предложила не давать Таисии воду и еду, чтобы она умерла быстрее. Но ее коллеги не согласились и понесли в комнату женщины овсяную кашу на воде, от которой пахло хозяйственным мылом.

Таисия ела с большим трудом, захлебываясь. Медсестра-блондинка прижимала свой нос к плечу, наверное, чтобы не почувствовать запаха, и спешно вставляла ложку за ложкой в рот умирающей женщины. От обеда Таисия отказалась, с трудом помахав головой. Она уже не разговаривала.

Она умерла вечером четвертого сентября. Точное время, судя по всему, узнавать никто не будет. Пока медсестры пили чай на ужине, у Таисии уже пропал пульс.

Когда во время обхода две медсестры обнаружили, что Таисия умерла, раздалось громкое «блядь!». Надев по несколько медицинских масок, они перевернули тело. Лопатки, затылок, пятки и бедра, касающиеся кровати, были в открытых фиолетовых ранах.

Кислый запах крови на всю палату хоть и перебивал запах мочи, вызывал у меня сильные рвотные позывы. Это был запах чего-то гнилого и железного, как будто на морозе вырвало желудочным соком.

Медсестры сказали, что у Таисии «обычные пролежни». После

того как тело вынесли, самая молодая медсестра по просьбе старшей перевернула матрас. Теперь на него положили другого умирающего пациента, мужчину пенсионного возраста по имени Алексей.

Старшая медсестра с огненно-рыжими волосами сказала мне, что «этому мужику осталось пару дней и он ничего не чувствует, ему запах не страшен». Она пообещала, что после смерти Алексея матрас будет заменен на «новый», то есть списанный из городского филиала диспансера. Денег на этот филиал в селе не выделяют, что подтверждают не только слова медсестры, но и данные с сайта госзакупок: тендеры на матрасы есть только у городского диспансера.

Таисию спустили на первый этаж в мешке, и старшая медсестра сказала: «Слава богу, отмучилась». Медсестры сняли маски, помыли руки хозяйственным мылом и сели есть торт с йогуртовой начинкой, который принесла санитарка Анатольевна. Она сама есть не стала, вышла на улицу, перекрестила пакет с телом Таисии и пару секунд подержала его за ноги. Медсестры считают всё, что она делает, отвратительным, считая проявлением «психического расстройства» и даже «некрофилией».

Пациенты легли спать, некоторые играют в карты. Медсестры, шутя о «вонючем теле старой сдохшей бабки», допивают кофе и мажут руки кремом.

Закончилась среда. Шел 110-й год работы диспансера.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКЦИИ

«Новая-Европа» отправила запрос в республиканский

Минздрав. На момент публикации материала ответ редакция не получала.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[ИИ против бактерий](#)

Нейросеть открыла более 800 тысяч молекул, из которых могут получиться антибиотики. Это весьма кстати: эффективность препаратов стремительно снижается

12:08, 24 августа 2024, Аполлинария